

Перевод с немецкого Вероники Мартыновой, июнь 2008.

Смотрите также:

- ["Барселонская декларация" Берта Хеллингера](#)
-

Использование материалов данного сайта разрешается только в некоммерческих целях, с обязательным указанием авторов, редакторов, переводчиков и активной ссылкой на www.constellations.ru

[. Подробнее о правилах использования материалов сайта>>](#)

Вступление

Берт обладает одним уникальным качеством. Он радикален – и этим он провоцирует. Своими словами, сказанными в Барселоне, он провоцирует меня на то, чтобы прояснить свою собственную точку зрения. Спасибо! Я всегда восхищался ещё одним качеством Берта: мужеством в отстаивании своих взглядов, ощущений и оценок. Невзирая на риск их возможной ошибочности. Это тоже вдохновляет меня на разъяснение собственной позиции.

Взгляды и открытия Берта в области семейных расстановок

Открытие всего разнообразия связей внутри одной семьи и путь к хорошим решениям через его «Порядки любви» являются для меня ценным вкладом Берта в психологию. Здесь я нашёл для себя нечто новое, доселе неизвестное. Многие он сформулировал самостоятельно, хотя, естественно, не обошлось без влияния многих его предшественников. Позже работа затронула также темы вины, войны и коллективных преступлений (убийство евреев в Германии, гражданские войны у других наций) – и здесь Берт внёс свой колоссальный духовный вклад.

Именно в расстановках с коллективной подоплёкой пропала разница между добром и злом. Они трансцендируют традиционную мораль, в основе которой лежит разделение добра и зла. Но также и в семейных расстановках (например, в случае насилия внутри семьи) происходит примерно то же самое. Нет никакого нравственного суждения о виновнике, но только обычная констатация фактов и проистекающих из них выводов.

В расстановках проявляется нечто таинственное, что объединяет всех людей. Не важно, как называть эту тайну. В начале это обозначалось словом «жизнь» - и мне до сих пор это слово нравится больше всех. Позднее ему на смену пришло слово «душа». После того как слово «душа» потеряло часть своей таинственности вследствие многократного использования, Берт перешёл к слову «Дух» [Spirit Mind - прим. ред.]. Все эти слова словно пальцы, указывающие в направлении одного и того же Безымянного. Я не вижу между ними принципиальной разницы.

Примерно к 2000 году все исследования Берта о семейных и коллективных конфликтах были уже оформлены как единое целое. Это огромное, колоссальное жизненное достижение, которое важно и поныне.

Я считаю, что начиная с этого времени, как он, так и другие не подошли ни к чему более существенному в отношении базовых основ семейных расстановок. (Я не говорю о других формах расстановок).

Исследования, которым на сегодняшний день Берт придаёт большое значение, тоже не оригинальны. Это исследования, к которым до него пришли многие мистики разного рода. Что всё едино, что не существует добра без зла – то же признают и буддисты в подобном ключе.

Основное различие в отношении этих положений состоит в том, следует ли им тот, кто их говорит. Важна не страсть, с которой что-то может быть высказано, не аплодисменты, сопровождающие человека, но тишина и покой, распространяющиеся вокруг него. Я не ощущаю мира в словах, сказанных в Барселоне, вместо этого я слышу гнев и вызов.

Влияние семейных расстановок

Много лет назад, делая семейные расстановки, Берт заметил, что многие ученики гуру испытывают тоску по отеческой любви, поэтому они попадают в духовную зависимость. Так же и Бог всегда замещает отца очень религиозным людям.

Изначально, по моим наблюдениям (и за собой в частности), Берт представлял для многих именно такую отцовскую фигуру. Его доброжелательное обращение было, например, для меня каждый раз настоящим подарком. После прочтения его высказываний в Барселоне я был так взволнован, что несколько ночей подряд плохо спал, и это лишнее подтвердило, что во мне всё ещё присутствует пласт этой первоначальной зависимости.

Своими ранними расстановками Берт совершал нечто парадоксальное. Поскольку этой работой он одновременно разрывал детскую привязанность к Берту Хеллингеру как к старшей фигуре. Классическая семейная расстановка примиряет с родителями. Чем выше степень этого примирения, тем меньше необходимость поиска вовне отцовской фигуры, которая бы могла указать путь. Человек встаёт самостоятельно, полагаясь на собственные силы. Родители выступают в качестве символов на всю жизнь. Тот, кто принял своих родителей и предков глубоко в себе, входит в контакт с собственной жизнью. Внутри человека раскрывается и разворачивается внутреннее пространство, широкое и спокойное.

Классическая и новая семейная расстановка

В барселонских высказываниях я вижу много возможных причин для гнева, которые, если я прав, связаны друг с другом.

Нынешний раскол начался с «Движений души» примерно 10 лет назад [“Движения души” - стиль ведения расстановки, в которой заместители отпускаются для свободного движения до тех пор, пока не будет проявлена доминирующая динамика. При этом, как правило, ведущий расстановки не стремится найти и поставить “хорошее решение”; это и стало причиной расхождений между Бертом и другими расстановщиками, которые выступали за то, что расстановщик должен стремиться вернуть в систему Порядок. - *прим. ред.*

] Берт пережил новый стиль работы как разрыв с прошлым, как прорыв к чему-то совершенно новому. Терапевты, которые проработали с Бертом уже много лет, восприняли это как его личное развитие. Они продолжали хорошо использовать старые формы и стили работы вместе с новыми. Для него же подобная открытость была невозможна.

Внутри Берта находится противоречие, которое сейчас проявляется и в расколе между семейными расстановщиками. То, что удалось ему в вышеприведённых исследованиях, оказалось для него недостаточным. Что-то гонит его всё время вперёд, это своего рода необходимость быть первым и во второй раз создать нечто, пролагающее новый путь.

Если я попробую описать развитие работы Берта над расстановками, то первая фаза была близка к мужскому принципу, т.е. к отцу. Порядки, структура и забытые или отодвинутые к краю мужчины были введены в расстановки. Следующая фаза, которая всё ещё в ходу, полностью посвящена женскому принципу, энергетическому, поддающемуся, широкому. И с этого времени Берт особо выделяет мать и женское начало. Тем не менее, мне кажется, что основа потеряла устойчивость из-за такой односторонности. Ей снова потребовался отец. Мудрость основывается не только на одном лишь женском начале.

10 лет назад Берт начал обесценивать предшествующую форму своей работы, порою почти презрительно дискредитируя её. Он критиковал также и тех терапевтов, которым метод работы по «Движениям души» не подошёл, и поэтому они продолжали работать по-старому. Такие терапевты, до недавнего времени стоявшие на его стороне, но не принявшие его личного развития, стали отворачиваться от него.

Слова Берта в Барселоне снова отразили этот процесс. «Классическая расстановка значит: стоять на месте. Вот что это значит. Для тех, кто работает в классическом ключе, это имеет важные последствия. Речь идёт о том, что классический подход – это

граница. Об этом говорят и клиенты. Прогресс невозможно остановить. Меня обвиняют в том, что новым подходом я предал идею классических семейных расстановок. Да, я сделал это. И я провожу здесь чёткую грань» [Цитаты из Барселонской декларации оставлены в редакции, приведенной Бертольдом Ульсамером - *прим. ред.*].

Одновременно Берт поддерживает свою старую работу. На своем немецком сайте он продолжает продавать свои самые важные первые книги «Два рода счастья» и «Порядки любви». Конечно он пользуется всемирной славой благодаря этим работам, свою нынешнюю работу он даже называет «новыми семейными расстановками». Он гордится своей старой работой и рекламирует её для себя.

«Вы даже боитесь упоминать моё имя в связи с тем, что вы делаете. Вы называете это системными расстановками. Но всё, что вы делаете, является, по сути, расстановками по Хеллингеру. Нет никаких других расстановок. Все решающие импульсы, все решающие исследования исходят от меня. Ни один из вас не привнёс что-либо новое. Ни один. Большая часть того, что вы об этом написали, это вариации моих исследований». «Так что это всё отклонения, и вы являетесь подавляющим движением. Вы берёте то, что я вам даю, и одновременно вы всё дискредитируете. Это странно».

Этими словами он вызывает в «классических» расстановщиках неразрешимые противоречия, растерянность. Тех, кто выражает желание расставлять «по Хеллингеру», он обвиняет в приверженности чему-то, что он сам «предал» (см. выше). Если же кто-то последовательно перестаёт ссылаться на Хеллингера, тому он вменяет в вину высокомерную дискредитацию того, что этот человек получил от него.

История о великом и малом Орфее

Это очень давнее противоречие, которое сидит в Берте. Лучше всего его видно в истории о великом и малом Орфее, которую Берт очень часто рассказывал на семинарах в 90-х годах [Берт рассказывал эту историю также и в Москве в мае 2008. - *прим. ред.*]. Он противопоставляет двух Орфеев: с одной стороны – великий Орфей из греческого мифа, который последовал за своей любимой женой в царство мёртвых, смягчил нрав смерти прекрасной игрой на арфе, но закончил свою жизнь в трагическом одиночестве. С другой стороны – малый Орфей, неизвестный, обычный современник, который играл на арфе только для развлечения, нашёл жену, родил детей, у него были друзья, он умер, и никто о нём больше не вспомнит. Послание, которое Берт добавлял в конце этой

истории, звучало так: нормальное, малое намного лучше трагедии исключительного человека.

Кому же он рассказывал эту историю? Она выявляет расщепление и одновременно тоску Берта о малом Орфее, потребность быть обычным человеком. Он немного прошёл по этому пути. В конце 90-х у него сложились крепкие, почти дружеские отношения с коллегами, которые были его учениками и последователями. Он получал отзывы о своей работе, в том числе и от тех, кому его обращение с клиентами не показалось благотворным. Возникла среда, в которую он – при все своей независимости – был вовлечён.

Эту среду Берт систематически разрушал. Его слова в Барселоне были, вероятно, заключительным действием в этом направлении. Мне это представляется так: то, к чему я стремлюсь, я не могу слишком долго иметь. Когда я это получаю, я уничтожаю его и страдаю от этого. И гнев затмевает боль.

Стремление к великому Орфею сильнее. «Мне было даровано понимание работы совести. Почему оно было мне даровано? Потому что я не боялся Бога и его кары».

Противоречие Берта проявляется также и в таких предложениях – сказанных удивлённым слушателям: «Я ощущаю внутри себя одну очень глубокую потребность и замечательно чувствую себя при этом. У меня глубокая потребность быть забытым. Тогда я буду свободен, абсолютно свободен». *Публика аплодирует.*

“Hellinger Scientia” – выражение этого устремления. «Все эти исследования – это целая наука, наука о человеческих отношениях. Я называю их Hellinger Scientia, так как большая часть идей были подарены мне. Присваивая им своё имя, я защищаю их от изменений и ограничивающих толкований».

Только возникает двусмысленность, когда Берт говорит при этом о науке. Потому что наука не зависит от личных взглядов, имён и заслуг. Наука находится в постоянном диалоге, она не испытывает уважения, она сомневается, проверяет и отвергает, т.е. она - абсолютная противоположность Hellinger Scientia.

Орфей выше критиков, доступ к нему есть только у приверженцев. «Со своей стороны я открыт для всех. Я приветствую всех, кто хочет присоединиться к новым семейным расстановкам». *Публика аплодирует.*

Это псевдо-открытость!

«Новым расстановщикам» он говорит: «Так будем же учиться друг у друга, и обмениваться опытом, и при этом никто не будет властвовать над другими»]. Если это не удалось ему с его старыми, весьма лояльными, сподвижниками – что будет с новыми, молодыми поколениями расстановщиков?

Ещё несколько конкретных комментариев

«Это новое общество было создано из страха, что я скоро умру, и моё наследие должно быть своевременно распределено. Но не мной. Вы взяли это наследие прежде, чем я его поделил».

Семейные расстановки – это не переживание просветления в дзен-буддийском монастыре, настоятель которого назначает преемника, передавая ему духовную энергию рукоположением.

Эти познания не являются наследием, которое можно распределить. Они – не собственность. Идеи Берта распространились по всему миру, в особенности благодаря его собственным усилиям, в виде книг, видеоматериалов, семинаров. Но они и удалились от него как от личности на довольно большое расстояние. Существует бессчётное число семейных расстановщиков, которые, взяв на себя ответственность и полагаясь на свой авторитет, нашли собственный способ использования этого метода.

Я вижу перед собой растение, которое разбросало и продолжает разбрасывать свои семена во все стороны. Многие из этих семян уже взошли, и дали жизнь новым семенам.

Изобилие, выросшее из семейных расстановок, невозможно контролировать. Объединения расстановщиков не ставят перед собой такой цели. Люди собираются, чтобы сообразно собственной ответственности (и её ограниченности) сделать всё для сохранения ценного инструмента первоначальных расстановок.

«Существует отдельная организация, которая хочет защитить классическую семейную расстановку в международном масштабе, в том числе и от меня. Это ли не безумие? Но это так».

Возможно, это не так уж и безумно. Я имею в виду описанную в тексте расстановку, в которой Берт расставляет новую семейную расстановку, старую и будущее семейных расстановок. Согласно моему «классическому» пониманию расстановок ведущий должен быть по возможности нейтральным и беспристрастным, чтобы нечто раскрылось. Если я заранее знаю, что может или должно проявиться, теряется необходимая среда для свободного развития знающего поля. Тогда расстановка превращается в спектакль, «зрелище».

Если даже я не присутствовал на расстановке – описанная расстановка не совпадает с моими критериями. После описания расстановки написано: *Публика устроила овацию.* И это подтверждает мои предположения. Расстановки, призванные нечто продемонстрировать, превращаются в моих глазах в злоупотребление ими. Так что, пожалуйста, не надо больше таких расстановок. Здесь я действительно выступаю в их защиту!

В заключение

Начиналось всё с расстановщиков, которые поначалу расставляли «по Хеллингеру», т.е. они использовали его взгляды, дававшие направление их расстановкам. Одновременно они позволяли знающему полю вести себя. Работа трансформировала чужие исследования в собственный опыт. Возникал собственный авторитет. Одновременно «знающее поле» динамично, оно развивается дальше, уводит вглубь. «Классическая» расстановка обозначает для меня погружение в процесс и собственный личностный рост в нём.

Возможно, Берт создал на основе Hellinger Sciencia своего рода школу для будущих мистиков, скрывающуюся под названием «новая семейная расстановка»? Очень многое, что я читаю и слышу в последнее время, указывает в этом направлении. Так, мне сообщили, что он называет себя «пророком».

Но такие изменения и его высказывания в Барселоне не позволяют мне хорошо относиться к его новой работе. Я сожалею об этом. Раньше я всегда ценил мудрость Берта. И на прошлой неделе я был очень рад получить письмо от опытного коллеги, вернувшегося домой с последнего семинара обогащённым.

Поэтому я желаю ему заключить мир с самим собой, со своей прошлой работой и с нами, «классическими» расстановщиками.

Перевод с немецкого Вероники Мартыновой, июнь 2008.